

Нет автора

**Отчет о 4-м присуждении наград графа
Уварова**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о 4-м присуждении наград графа Уварова / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 185 с.

ISBN 978-5-4241-8474-1

ISBN 978-5-4241-8474-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ
О
ЧЕТВЕРТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ
НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

ЧЯТАННЫЙ

ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНИИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

ПОСТОЯННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
АКАДЕМИКОМЪ Н. С. ВЕСЕЛОВСКИМЪ

25 Сентября 1860.

Награды, учрежденныя, въ память о бывшемъ Президентѣ Академіи Наукъ графѣ Сергіи Семеновичѣ Уваровѣ, сыномъ его графомъ Алексѣемъ Сергіевичемъ, имѣють цѣлію поощрить Русскихъ писателей къ занятію Русскою и Славянскою исторіею, въ обширномъ значеніи слова, и драматическою словесностію.

I.

На четвертое соисканіе этихъ наградъ поступило въ Академію, въ установленный для того срокъ, восемь драматическихъ пьесъ; изъ нихъ четыре печатныхъ и четыре рукописныхъ; одна изъ сихъ послѣднихъ прислана была съ подписью автора; авторы же трехъ остальныхъ скрыли свои имена подъ девизами. По закрытіи конкурса, 31 декабря 1859 года, принятыя сочиненія были представлены, 15-го января, Общему Собранію Академіи и тутъ же, на основаніи §§ 10-го и 11-го Положенія, назначена балотировкою Коммисія для разсмотрѣнія ихъ и присужденія наградъ. Членами этой Коммисіи были избраны Академики: П. А. Плетневъ, Н. Г. Устряловъ, И. И. Срезневскій, А. В. Никитенко, Я. К. Гротъ, А. А. Кунякъ и В. В. Вельяминовъ-Зерновъ. Эта Коммисія тотчасъ же приступила къ исполненію возложенной на нее обязанности: въ бывшемъ 30 января засѣданіи, ознакомилась съ подлежащими ея сужденію сочиненіями, и, руководствуясь въ точности § 11 Положенія, избрала, для содѣйствія себѣ, постороннихъ рецензентовъ изъ числа

извѣстныхъ Русскихъ писателей. Каждая изъ пьесъ была на этомъ основаніи послана на разсмотрѣніе тому изъ литераторовъ, который былъ назначенъ для сего единогласнымъ постановленіемъ Коммисіи. Такимъ образомъ Никол. Никит. Буличъ, Ив. Александр. Гончаровъ, Александръ Вас. Дружининъ, Петръ Андр. Каратыгинъ, Никол. Алексѣев. Лавровскій; Мих. Ник. Лонгиновъ, Ап. Ник. Майковъ и Алексій Степ. Хомяковъ получили по одному изъ принятыхъ въ конкурсъ драматическому сочиненію, съ просьбою сообщить Академіи отзывъ къ 15-му апрѣля. По полученіи къ этому сроку отъ всѣхъ ихъ, за исключеніемъ одного, рецензій разсмотрѣнныхъ ими пьесъ, Академическая Коммисія приступила къ чтенію ихъ и къ обсужденію самыхъ сочиненій, подлежащихъ разбору. Относительно пяти изъ разобранныхъ пьесъ, Коммисія вполнѣ согласилась съ заключеніями избранныхъ ею рецензентовъ, признавшихъ предложенныя ихъ суду пьесы не соответствующими тѣмъ требованіямъ, исполненіе которыхъ поставлено въ Положеніи необходимымъ условіемъ для полученія награды.

Рецензентъ одной изъ пьесъ, представленныхъ на этотъ конкурсъ, не доставилъ о ней своего отзыва, и потому она отложена до конкурса будущаго года.

Но двѣ остальныхъ, какъ по высказаннымъ о нихъ рецензентами мнѣніямъ, такъ и по общему вниманію, которое онѣ возбуждали въ литературномъ мірѣ, признаны Коммисіею подлежащими дальнѣйшему и тщательнѣйшему разсмотрѣнію и обсужденію — это суть: «*Горькая судьбина*», драма въ 4 дѣйствіяхъ А. Ѳ. Писемскаго, и «*Гроза*», драма въ 5 дѣйствіяхъ А. Н. Островскаго. Поэтому найдено было полезнымъ подвергнуть ихъ сужденію еще другихъ литературныхъ критиковъ; и при этомъ случаѣ единогласный выборъ Коммисіи палъ на Алексія Дмитриевича Галахова, какъ пріобрѣвшаго себѣ всеобщую извѣстность своими историко-литературными и критическими трудами, и на Ник. Дм. Ахшарумова, который

обратилъ на себя вниманіе превосходнымъ разборомъ романа г. Гончарова «Обломовъ», доказавшимъ несомнѣнный критическій талантъ. На вызовъ Академіи оба они съ полною готовностію отвѣчали присылкою разборовъ, которые приняты въ соображеніе при окончательномъ сужденіи о достоинствахъ состязавшихся пьесъ.

Въ то время, какъ еще ожидались отзывы гг. Галахова и Ахшарумова, въ составѣ Академической Коммисіи произошли перемѣны, вынужденныя обстоятельствами. Гг. Срезневскій, Никитенко, Гротъ и Вельяминовъ-Зерновъ были командированы съ ученою цѣлью за границу, и потому на мѣсто ихъ избраны въ Коммисію, въ засѣданіи Общаго Собранія Академіи 5 августа, гг. Академики А. Х. Востоковъ, Д. М. Перевощиковъ, Н. И. Кокшаровъ и П. П. Дубровскій.

Въ новомъ своемъ составѣ, Коммисія вошла въ подробное обсужденіе двухъ поименованныхъ драмъ Гг. Островскаго и Писемскаго, при чемъ она сочла долгомъ взвѣсить, съ особымъ вниманіемъ, не только отзывы о нихъ тѣхъ литераторовъ, которымъ, по ея приглашенію, поручалось ихъ разсмотрѣніе, но и различныя сужденія, которыя были возбуждены этими замѣчательными произведеніями въ главныхъ нашихъ литературныхъ органахъ. Существенныя условія самого дѣла возлагали эту обязанность на Коммисію.

Величайшее различіе представляютъ собою оцѣнка труда ученаго и оцѣнка произведенія изящной словесности. При обсужденіи всякаго сочиненія, относящагося къ области какой либо науки, вся задача состоитъ лишь въ томъ, чтобы, при помощи исторіи и литературы той науки, опредѣлить, что въ немъ новаго и на сколько это новое прочно опирается на тѣхъ данныхъ, которыя возможно было имѣть въ извѣстное время. Такую оцѣнку, конечно, могутъ сдѣлать немногіе и эти немногіе, чтобы исполнить дѣло съ успѣхомъ, должны обладать основательными и обширными познаніями по своей части; но за то, если они ихъ имѣютъ, то путь передъ ними лежитъ открытый и

прямой. Знаніе фактовъ и тѣхъ законовъ, которые наука выработала для ихъ уразумѣнія, даетъ для сужденія объ ученѣ трудъ такой масштабъ, при которомъ критикъ можетъ не только высказать опредѣленное мнѣніе, но вмѣстѣ и доказать его. Совершенно иное представляетъ собою оцѣнка произведеній изящной словесности. Каждый по-своему можетъ судить о нихъ, и сужденіе каждаго до извѣстной степени можетъ имѣть свой вѣсъ, свое оправданіе, даже и въ такомъ случаѣ, если оно не основано на теоретическомъ уразумѣніи тѣхъ общихъ правилъ или техническихъ приѣмовъ, которые выработаны долговременнымъ опытомъ; потому что ни эти правила, ни эти приѣмы не имѣютъ въ себѣ одного закона, твердо опредѣленнаго, систематически завершеннаго и слѣдовательно строго обязательнаго, такого, который имѣлъ бы право стѣснять собою творчество, стремящееся къ проложенію самостоятельнаго пути. Отъ этого, въ дѣлѣ искусства встрѣчаемъ объ одномъ и томъ же предметѣ такое разнообразіе сужденій, часто мало согласныхъ между собою и нерѣдко какъ-бы другъ другу противоположныхъ. На основаніи какого закона отдадимъ одному изъ нихъ первенство и назовемъ его исключительно справедливымъ, а всѣ другія ошибочными? Та жизнь, которую мы видимъ вокругъ себя и которую поэзія стремится воспроизвести въ сжатой рамкѣ художественнаго единства, могла бы, по видимому, отвѣтить на этотъ вопросъ, указавъ на свою объективную истину, какъ на единственный источникъ повѣрки всякаго творческаго вымысла; но и эта истина, взятая съ ея поэтической стороны, теряетъ свою опредѣленность. Дѣйствительно, поэтическая или, если угодно, драматическая сторона жизни есть нѣчто едва ли доступное для систематическаго изученія и для вывода постоянныхъ и непреложныхъ законовъ. Въ ней и вокругъ нея группируются самые разнообразныя, самые неуловимыя, неопредѣленныя и таинственныя элементы въ мірѣ психологической и исторической дѣятельности человѣка: прихоти вкуса, противорѣчія воли, порывы страстей, борьба личныхъ особенностей характера

между собою и съ приговоромъ судьбы, словомъ все, чѣмъ наука еще не овладѣла, и можетъ быть никогда не овладѣетъ. Искать въ этой сферѣ непреложнаго мѣрила и положительныхъ законовъ было бы также напрасно, какъ стараться согласить всѣ вкусы. Затрудненіе это, въ наше время, самые даровитые представители литературной критики сознали уже довольно ясно, и преемники тѣхъ самыхъ людей, которые прежде твердили о непреложныхъ законахъ поэзіи или поэтического вкуса, теперь скромно отказываются отъ старыхъ притязаній. Въ наше время уже многіе держатся того мнѣнія, что если высказать свое сужденіе о литературномъ трудѣ легко, то доказать его въ такой мѣрѣ, чтобы оно не могло уже служить источникомъ дальнѣйшаго спора, нѣтъ ни малѣйшей возможности.

Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что всякая оцѣнка въ сферѣ изящной словесности несостоятельна? Нѣтъ. Отсутствіе теоретическаго ея основанія не заключаетъ еще въ себѣ достаточной причины отвергать ея чисто практическую возможность. Но, въ практикѣ, всякая оцѣнка условна и относительна, какъ въ отношеніи къ предмету ея, такъ въ отношеніи къ ней самой. Вещь хороша, если она лучше другой; дурна, если хуже; — хороша, если всѣ или большая часть считаютъ ее хорошею, а если нѣтъ—то дурна. Далѣе этихъ простыхъ, осязательныхъ умозаключеній практическая оцѣнка не идетъ. Все, что она къ нимъ можетъ прибавить, всѣ подробныя и часто краснорѣчивыя ея дополненія, суть не иное что, какъ болѣе или менѣе вѣрный отчетъ о содержаніи нашего личнаго впечатлѣнія, — объясненія, клонящіяся къ тому, чтобъ соразмѣрить нашъ вкусъ со вкусомъ другихъ людей, или указать на различіе его, но вовсе не доказательства его рациональной истины. Поэтому, въ практической оцѣнкѣ произведеній изящной словесности главнымъ и почти единственнымъ основаніемъ окончательнаго сужденія является общее мнѣніе образованнѣйшей части общества, или по крайней мѣрѣ мнѣніе большинства.

Такое основаніе и такую мѣрку Академическая Коммисія должна была принять въ настоящемъ случаѣ, чтобы добросовѣстно исполнить свой долгъ. Поставленная судьей въ дѣлѣ изящной словесности, она не могла явиться адвокатомъ какой нибудь исключительной литературной теоріи, или какого бы то ни было одного, хотя и высоко развитаго, но всё таки личнаго вкуса. Разрѣшая предложенный ей вопросъ, она смотрѣла на себя какъ на комитетъ, избранный для того, чтобы *формулировать* выводы общественнаго вкуса, но не для того, чтобы дѣлать свои. Всякій шагъ за эту черту поставилъ бы ее въ ложное положеніе повѣреннаго, превышающаго точный смыслъ своихъ полномочій, вывелъ бы ее на арену литературно-критическихъ споровъ, чуждыхъ характеру и назначенію Академіи. Руководясь этимъ взглядомъ и вѣстѣ пользуясь правомъ, предоставленнымъ ей однимъ изъ параграфовъ Положенія, Коммисія, прежде постановленія окончательнаго приговора, сочла нужнымъ, какъ выше сказано, подвергнуть каждую изъ двухъ упомянутыхъ драмъ сужденію избранныхъ ею писателей, занимающихъ, по своимъ талантамъ, почетное мѣсто въ современной литературѣ. По полученіи и рассмотрѣніи ихъ отзывовъ, членъ Коммисіи П. А. Плетневъ принялъ на себя, по порученію Коммисіи, провести параллель между обими произведеніями и подвести, такъ сказать, общій итогъ сужденій, бывшихъ объ этомъ предметѣ въ Коммисіи.

Сущность всѣхъ этихъ отзывовъ заключается въ слѣдующемъ:

Относительно драмы г. Островскаго, г. Гончаровъ выразилъ свое мнѣніе, что подобнаго произведенія, какъ драмы, въ нашей литературѣ еще не было, что она занимаетъ и вѣроятно долго будетъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ по многимъ классическимъ красотамъ. Съ какой бы стороны она ни была взята: со стороны ли плана созданія, или драматическаго движенія, или наконецъ характеровъ, всюду запечатлѣна она, по его выраженію, силою творчества, тонкостію

наблюдательности и изяществомъ отдѣлки. Прежде всего драма поражаетъ смѣлостію созданія плана: увлеченіе страстной женщины, борьба съ долгомъ, паденіе, раскаяніе и тяжкое искушеніе вины — все это, по мнѣнію рецензента, исполнено живѣйшаго драматическаго интереса и ведено съ большимъ искусствомъ и знаніемъ сердца. Рядомъ съ этимъ, авторъ создалъ другое типическое лице, — дѣвушку, падающую сознательно и безъ борьбы, и на которую безразсудная строгость и абсолютный деспотизмъ того семейнаго и общественнаго быта, среди котораго она родилась и выросла, подѣйствовали, какъ и ожидать слѣдовало, превратно, т. е. повели ее веселымъ путемъ порока, съ единственнымъ, извлеченнымъ изъ даннаго воспитанія, правиломъ: *лишь бы все было шито, да крыто*. Мастерское сопоставленіе этихъ двухъ главныхъ лицъ въ драмѣ, развитіе ихъ натуръ, законченность характеровъ, — сами по себѣ уже давали бы произведенію г. Островскаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей драматической литературѣ. Но сила таланта повела автора дальше; въ той же драматической рамѣ улеглась широкая картина народнаго быта и нравовъ, съ художественною полнотою и вѣрностію. Каждое лице въ драмѣ есть типическій характеръ, выхваченный прямо изъ среды народной жизни, облитый яркимъ колоритомъ поэзіи и художественной отдѣлки. Наконецъ, по мнѣнію г. Гончарова, языкъ дѣйствующихъ лицъ, какъ въ этой драмѣ, такъ и во всѣхъ произведеніяхъ г. Островскаго, давно всѣми оцѣненный по достоинству, есть языкъ художественно вѣрный, взятый изъ дѣйствительности, какъ и самыя лица, имъ говорящія.

Г. Галаховъ, въ своемъ отзывѣ, указалъ на заслугу г. Островскаго въ созданіи у насъ народной драмы и на характеръ его таланта, выказавшійся въ написанныхъ имъ доселѣ пьесахъ. Оставаясь неизмѣнно вѣрнымъ и драмѣ, и избранной имъ спеціальности — изображенія купеческаго быта, г. Островскій, по замѣчанію рецензента, нѣсколько разъ мѣнялъ свое направленіе, но изъ этихъ различныхъ направленій

самымъ плодотворнымъ было то, когда, отдаваясь весь художественному творчеству, онъ не ставилъ его въ зависимость отъ какихъ-либо напередъ предположенныхъ задачъ и черпалъ все содержаніе своихъ созданій прямо изъ міра дѣйствительнаго, изъ самой жизни. Къ этому направленію принадлежить первая его комедія: «*Свои люди сочтемся*», составившая одинъ изъ самыхъ блестящихъ литературныхъ дебютовъ; къ нему же возвратился г. Островскій и въ новой своей пьесѣ: «*Гроза*». И здѣсь, какъ и въ первой пьесѣ, онъ не стѣсняетъ своего творчества намѣренною постановкою вопроса, желаніемъ отыскивать идеалы тамъ, гдѣ они еще не выработаны историческимъ развитіемъ. Дѣйствительность является здѣсь именно такою, какова она на самомъ дѣлѣ — въ смѣшеніи нравственнаго и умственнаго безобразія съ красотой души и сердца. И въ этой невымышленной дѣйствительности, съ одной стороны — исключительная преданность обычаю, какъ святому, непреложному догмату, — обоготвореніе старины, понимаемое не иначе, какъ въ видѣ ненависти ко всему новому, свѣжему, молодому; съ другой — желаніе вырваться изъ душевной атмосферы обычной, обрядовой жизни и заявить законное дѣйствіе жизни, кипящей избыткомъ силъ. Освобожденіе совершается различно, смотря по различію темпераментовъ и понятій; иногда это грубая разнузданность, рѣзкое самоотрѣшеніе отъ семейныхъ и общественныхъ связей (какъ это и видимъ въ лицѣ Варвары); иногда же прерваніе ровнаго потока существованія съ сожалѣніемъ и раскаяніемъ, съ внутреннею борьбою, стоящею слезъ и крови (что и представляетъ намъ Катерина); иногда же преданность разгулу и пьянству, которыми забитый (какъ сынъ Кабаихи) отводитъ себѣ душу. Различіемъ освобожденія обуславливается и различіе исхода драмы, — въ однихъ случаяхъ столкновеніе враждебныхъ силъ начинается, продолжается и оканчивается смѣхомъ; въ другихъ оно — постоянная гроза, тайная или явная. Въ пьесѣ г. Островскаго, обрядовая жизнь выведена съ суровыми послѣдствіями, — она имѣетъ значеніе какъ бы греческой